

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Глава первая

ОБЫЧНАЯ ПОЛЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Бугристая, как спина крокодила, земля грела ладони остатками дневного тепла. Петляя, словно ящерица, между вросшими в грунт камнями, Артём проворно полз вперёд, ориентируясь главным образом на камуфляжные штаны, пузырящиеся над поджарым задом Юджина О’Тулла. Детекторы Артёмовы ноктовизора¹ работали в противофазе с модулятором защитной окраски, поэтому вышеупомянутые штаны на общем серебристо-сером фоне горели алым сатанинским огнем.

До западной оконечности объекта, или, выражаясь более поэтично, до обглоданной ветрами стены древнего форта, оставалось километра полтора. В основном — ползком.

Запах сухой травы раздражал ноздри даже сквозь фильтрующую ткань. Стоило поднять голову повыше — и тёплый океанский бриз тут же наполнил бы лёгкие свежестью. Но поднимать голову было нежелательно. Конечно, где-то в звёздном небе висел оперативно-тактический спутник прикрытия, которому полагалось обводить вокруг пальца системы обнаружения противника. Но те, кто полагался исключительно на технику, шли в аналитики, а полевики вроде Артёма Гривы и старины Юджина на технику не полагались. Они её использовали.

Чёрная туша крепости, похожая сверху на раздавленную морскую звезду, затеняла половину залива. И господствовала над ним. Первоначально аналитики «Аладдина» планировали атаку из воды, со стороны океана, но когда пришли данные глубинного сканирования, от этой идеи пришлось отказаться. Залив был не только нашипован сторожевой техникой, но и постоянно патрулировался обученными касатками, которых обмануть было куда сложнее,

---

¹ Прибор ночного видения.

чем Ай-Пи¹ охранной системы. Таким образом сводилась к нулю возможность обеспечения внезапности, а следовательно, и вся операция становилась бессмысленной. Если не захватить противника врасплох, он успеет уничтожить все улики и наработки. Тогда единственным результатом акции станет вой проплаченных СМИ «о бесчинствах спецподразделений Всемирного комитета по выявлению и пресечению несанкционированных научных исследований (так официально именовался „Аладдин“) на территории, принадлежащей международному концерну». И поди докажи, что финансируется концерн из бюджета ЦРУ, а охраняют его неприкосновенную территорию перекупленные контрактники US Army. На шумиху плевать. Авторитета у «Аладдина» не убавится. А вот не прищемить хвост ЦРУ и не получить бонус в политической мировой игре — это обидно. Но ещё обиднее потерять наработки преступной лаборатории. Если после силовой акции по пресечению несанкционированных научных исследований результаты этих исследований не сливаются в архивы «Аладдина», операция считается проваленной. Вот почему более простой вариант выхода на объект со стороны Тихого океана с последующим проникновением через систему промышленного стока был отвергнут и решено было остановиться на штурме с суши. Причём первая штурмовая группа состояла всего из двух человек: капитана Артёма Гривы и майора Юджина О’Тулла по прозвищу Ирландец.

Работа парами была обычной практикой в «Аладдине». Ещё с тех времен, когда эта организация называлась иначе, занималась не учеными-преступниками, а террористами, но уже освоила схему «проникновение — информационный перехват — зачистка».

Предполагалось, что спутник прикрытия способен с вероятностью девяносто девять процентов упрятать двух человек (для троих — уже не девяносто девять, а восемьдесят четыре процента) от сканирующих систем противника. Предполагалось...

Собственно, ни Грива, ни О’Тулл, ни специальный координатор Хокусай, ни приданная полевикам группа аналитиков не ожидали особых сюрпризов. Это была типичная полевая операция регионального подразделения службы «Аладдин». Стандартная силовая акция по проверке информации, поступившей двадцать шесть часов назад от основной информационной системы Комитета в аналитический отдел. Там в кратчайшие сроки (рассусоливать в «Аладдине» не принято — ставки слишком высоки) информацию

---

¹ Искусственный интеллект.

проверили и подтвердили. Ещё сутки — на разработку и подготовку акции, и вот уже два офицера-полевика ползут по жёсткой, как камень, земле к форту, под стенами которого полторы сотни лет катятся длинные океанские волны.

Маленькая рощица, кучка низкорослых, привычных к зимним штормовым ветрам деревьев, позволила Артёму и Юджину ненадолго подняться на ноги. Их защитные комбинезоны, избирательно поглощающие и дробящие восемь типов излучения, превращали силуэты людей в разрозненные наборы серых и чёрных пятен, неразличимых на фоне листвы. Однако роща скоро кончилась, и пришлось опять ползти на брюхе.

В левом верхнему углу окуляра ноктовизора Гривы рядом с зелёной загорелась фиолетовая точка. Это означало, что помимо визуальных и электромагнитных анализаторов в защитный периметр объекта входят и объёмные детекторы. Ну с этим «Головастый» как-нибудь управится.

О’Тулл сбавил темп. Теперь он полз змеиным зигзагом, и Артём в точности повторял его траекторию. Карту минных закладок он заучивать не стал, полагаясь на напарника. Обошлось без проблем. Как и раньше.

Проскользнув по руслу высохшего ручья под нитками проволоки, Артём и Юджин оказались у подножия крепости. Здесь никаких особых сюрпризов не предполагалось, поэтому, надев рукавицы, поверхность которых была усеяна крохотными, но очень цепкими крючками, офицеры «Аладдина», аки два средневековых ниндзя, полезли наверх — и через несколько минут оказались на гребне десятиметровой стены. Крепость закладывалась в девятнадцатом веке, и ширины стены, после того как стесали оборонительные зубцы, хватило бы для посадки стандартной российской вертушки производства Львовского завода гражданских машин. Однако сажать здесь вертушку не стоило. Воздух над стеной пронизывали десятки лазерных «нитей», через паутину которых не то что вертушка — майский жук не пролетел бы. Тем не менее ровно через шесть секунд после того, как напарники оказались на гребне, в лазерной сетке образовался несанкционированный проход. Артём и Ирландец закрепили веревки и соскользнули вниз. Когда аппаратура спутника зафиксировала их соприкосновение с камнями внутреннего двора, проход исчез.

Зато появились собаки. Три здоровенных пса внезапно и совершенно бесшумно возникли рядом с незваными гостями. Грива увидел под нижней челюстью ближайшего пса хоботок контакт-

ного разрядника. Это было неприятно. Импульс разрядника мог повредить «интеллекту» комбинезона. Псы не лаяли. Их приучали не лаять. Датчики на ошейниках достаточно чутко реагировали на перемены собачьего настроения и немедленно сообщали об этих изменениях на контрольную панель. Псов приучили атаковать не сразу, а только в том случае, если двуногие сторожа в течение тридцати секунд не отреагируют на сигнал тревоги. Но на сей раз сигнал был перехвачен и блокирован, а боевое настроение собак исчезло, как только свисток в зубах Ирландца выдал первую трель. Человеческое ухо её не услышало бы, но для собачьего она прозвучала так же внушительно, как лвиный рык — для домашней козы. Взвизгнув, три натасканных на задержание чудовища отпрянули назад и, развернувшись, цокая когтями по булыжникам, умчались во тьму.

Вероятно, на этой фазе спутник всё-таки дал сбой, и на терминале охраны что-то отразилось. В приземистом здании неподалёку распахнулась дверь, и оттуда выглянул охранник с прибором ночного видения на физиономии. Юджин и Артём мгновенно упали на мостовую, а ещё через мгновение осенённый вдохновением Грива встал на четвереньки, сделал несколько шагов и опять улёгся. Он очень надеялся, что «мозг» спутника «сообразит» трансформировать его образ в собачий. Пользуясь охранник собственными глазами, номер бы не прошёл. Но ноктовизор — всего лишь примитивная электроника. Спутник не подкачал. Повертев головой, охранник убрался.

Показав Артёму большой палец, Юджин нырнул под окно караулки. Грива подскочил к дверям и направил сканер на электронный замок. Секунда — и код нашупан. Замок негромко вжикнул, и дверь на пару миллиметров отошла в сторону. Артём приник лбом к щели, и очки выпустили щупик световода с крохотным объективом. Грива увидел средних размеров комнату с терминалом и трёх парней в стандартной китайской «броне» второго уровня. Один охранник скучал за консолью терминала, второй глазел шоу по гало, третий, тот, что выглядывал за дверь, разогревал в микроволновке какую-то жратву. Артём оттопырил три пальца, ткнул себя в грудь, указал на окно и изобразил взрыв. Ирландец кивнул. Для скрытных переговоров они могли бы воспользоваться спутником, но языка жестов оказалось достаточно.

Охранник открыл микроволновку и позвал сидящего за терминалом. Тот встал, лениво потянулся, шагнул к столу...

Артём махнул рукой, и Ирландец с размаху ударил локтем в стекло. Все трое охранников разом повернулись к окну... Грива зажмурился. Это была команда на отключение объективов ноктовизора. Хлопок — сработала световая граната, Артём открыл глаза и толчком распахнул дверь. Как обычно, он успел лишь к шапочному разбору. О’Тулл уже «санировал» помещение, всадив в каждого из ослеплённых охранников по шоковой стрелке. Артём бросился к терминалу и воткнул в свободный порт разъём дистанционки, открывая «Головастому» прямую дорожку к местным охранным системам. Всё, игра пошла в открытую. Если начальник охраны не дурак, а есть все основания считать именно так, сейчас во всех боевых подразделениях забьют колокола и десятки крепких ребят разбегутся в разных направлениях. И очень скоро большая часть этих парней вломится сюда. Если, конечно, «Головастый» не исхитрится запудрить им мозги.

Юджин и Артём переглянулись и одновременно бросились ко второй двери. За ней обнаружился коридор. О’Тулл сменил гуманный парализатор на автомат-бесшумку. Артём тоже сунул парализатор в кобуру и извлёк «универсальную отмычку» — «звуковой» пистолет-резонатор. Выстрел — кусок ближайшей двери вместе с замком превращается в рыхлую массу. Пинок, дверь распахивается, внутрь летит серебристый шарик замораживающей гранаты. Негромкий хлопок. Следующая дверь. Выстрел-пинок-граната. Выстрел-пинок-граната...

Коридор кончился. Ещё дверь. Выстрел, пинок, Артём падает на пол (за спиной синхронно падает Юджин), полосует наугад, пока не истощается импульс, ныряет вбок, уступая первенство О’Тулли. Что-то звенит, трещит, рушится, кто-то кричит... С той стороны в разгромлённую комнату врывается целая толпа головорезов и с ходу начинает поливать минимум из дюжины стволов. Грива приседает, прячется за стальной тумбой, которая гремит и сотрясается от попаданий. Со своей позиции он видит, как Юджин, легко, будто танцую, но очень-очень быстро, перемещается вдоль стены, сосредоточенный огонь охранников безжалостно крошит эту самую стену, но не успевает за «алаудиновцем», а тот, стреляя одиночными, аккуратно, только в лицо, кладёт одного противника за другим.

На пистолете загорается зелёный сигнал. Кристалл-накопитель готов генерировать боевой импульс. Артём выпрямляется и быстро прочерчивает смертоносный пунктир на уровне груди нападаю-

щих. Для звукового импульса бронепрокладки «двойки» не помеха: пластик и керамика крошатся в труху, а плоть превращается в желе.

Всё. Звенящая тишина. Кровь на стенах. Истекающий раствором дисплей, дымящиеся осколки, простроченные пулями стены, мёртвые тела... Ничего такого, ради чего стоило бы задержаться.

Юджин поднимает палец, и Артём первым выскакивает во вторую дверь. Выскакивает и сразу падает ничком, О'Тулл перепрыгивает через него... и негромко свистит. Чисто.

Внутренний двор. Кольца фонарей. Фонари пульсируют вспышками. Это спутник трудится. Хаотичное мерцание не даст непривычному человеку сделать прицельный выстрел. Это даже лучше, чем темнота: обычные ноктовизоры бесполезны. Посреди двора — опрокинувшийся куб китайского боевого робота — гусеницы месят воздух, щелкают шторы амбразур, но робот уже «дохлый». Это тоже спутник. Большая удача, что «Головастый» сумел подобрать или скачать откуда-то коды доступа. Такие роботы полностью автономны и «держат» даже концентрированный электромагнитный импульс. А огневая мощь, защита и быстрота — покруче, чем у штурмового танка. Через робота мы бы не прошли.

Внутренний двор форта — «колодец» с четырьмя выходами. Тот, через который «аладиновцы» проникли внутрь, открыт, остальные заперты. Это не двери, а мощные бронешиты. По замыслу тех, кто планировал оборону, для прорвавшихся двор моментально превращается в клетку с практически неуязвимым роботом внутри. Такой вот сюрприз.

Юджин тычет пальцем вверх. Артём задирает голову — там труба с экранирующей оплеткой. Взмах — трос с утяжелителем взлетает вверх и падает по другую сторону. Артём карабкается вверх, Юджин, он тяжелей на десять кило, тянет с другой стороны. Затем, балансируя на десятидюймовой трубе, тянет Грива. Труба гнётся, но выдерживает. Есть! Оба наверху. Теперь бегом через внутренний двор к основному зданию. Труба ныряет в древнюю стену, но метрах в четырёх — окно. Не средневековая бойница-щель, а настоящее, в полный рост.

— Я, — говорит О'Тулл, цепляет к поясу карабин и переползает на стену.

Артём ждет. Если напарник сорвётся, он прыгнет с другой стороны трубы и амортизирует падение. Если труба не выдержит, тоже не страшно. Высота плёвая, метра четыре.

Прыгать не приходится. Напарник благополучно добирается до окна, цепляет трос, кивает Артёму.

Через полминуты они стоят рядом на узком подоконнике и смотрят, как маленький взъерошенный человек, надсаживаясь, орёт в микрофон, одновременно колотя всеми десятью пальцами по сенсорам клавиатуры...

Юджин резко нажимает на стекло. Выпав из рамы, оно с нежным звоном ударяется об пол, но не разбивается, а только покрывается сеточкой трещин.

Взъерошенный человек оборачивается на звук, выпучивает глаза и роняет на грудь покрытую чёрной щетиной челюсть...

«Аладдиновские» штурмовики в полной боевой экипировке — зрелище не для слабонервных.

Грива и О’Тулл уже внутри.

— Давай. — Юджин небрежным движением смахивает взъерошенного на пол. Артём садится на его место и лезет в компьютер. О’Тулл тем временем шурует в «портах», подключая дистанционку.

Дальше всё раскручивается по стандартной схеме. Электронный мозг спутника, до этого момента действовавший полуавтономно, открывает главный канал связи с «Головастым», главной компьютерной системой «Аладдина», и совокупная мощь его информационно-управляющих массивов вливается в информационную систему базы, в доли секунды сметает все защитные барьеры, возведённые местными программерами, и начинается потрошение.

Но момент истины ещё не наступил.

Свет в помещении слегка тускнеет, и тут же в центре комнаты возникает человек. Юджин стреляет на рефлекс, не глядя. Пуля, взвизгнув, разносит дверцу шкафа. Человек не настоящий. Голографический фантом. Вторая пуля, посланная О’Туллом уже более осмысленно, разбивает визор голографа.

— Зря, — флегматично роняет Артём.

— Эй, парень! — взвизгивает голограмма по-испански. — Я тебя не вижу!

— Зачем стрелял? — ухмыляется Грива. — Человека расстроил.

— Это не человек, — равнодушно роняет О’Тулл. — Это преступник.

«Преступник», толстый субъект с бизоньим загривком и устрашающим плугом носа, нервно огладив плешь, вытягивает руку за пределы видеоконуса, что-то с остервенением дёргает. При этом нижняя губа субъекта обиженно выпячивается.

— Пако! — орет он. — Что ты там болтаешь? У нас пожар, Пако! Мудрила спятил и обесточил защиту!

Визор голографа был разбит, но микрофон, вероятно, уцелел.

Юджин громко высвистывает три такта из «Тореадора».

Толстяк багровеет:

— Если ты, педрила, мигом не подключишь автономку, нам хана!

Юджин хохочет.

— Интересно, у всех рыжих такое извращённое чувство юмора? — интересуется Артём.

— Нет, только у ирландцев, — сообщает напарник.

О’Тулл подходит к выбитому окну, осторожно выглядывает, но ничего существенного не обнаруживает.

— Вот возьми, например, рыжего Кошица из подразделения Раджи, — говорит он. — У Кошица вообще чувства юмора нет.

— Что ты там болтаешь, Пако? — истерически вопит толстяк. — Кто там у тебя? Ну-ка покажись!

По коридору кто-то несётся с топотом. О’Тулл глядит на дверь, но даже не поднимает автомат. По звуку ясно, что не к ним. Топот стихает.

— Идея, — говорит Юджин, приподнимая за шкуру бесчувственного Пако. — Где у этого гроба видеорастр?

— Тут, — Артём понимает мысль напарника. — Подключить на голограф?

Времени у них было хоть отбавляй. Пока «Головастый» ломает местного родича...

— Подключи.

Подняв бесчувственного Пако, Юджин наплевывает на него ноктовизор, суёт беднягу физиономией прямо в окуляр, идиотически хихикает.

Мордастый взрывается, как укушенный гамадрил. Целую минуту он с бешеной скоростью выплёвывает ругательства. Грива, неплохо владеющий испанским, слушает не без удовольствия.

Внезапно толстяк осекается. Выражение его лица претерпевает жуткую метаморфозу. Смесь ужаса, невероятной тоски и беспомощности... Артём лишь однажды видел нечто подобное. На лице мёртвой женщины, которую они вытащили из-под развалин в Сеуле. Её ребенок, тоже мёртвый, лежал в двух метрах. Их обоих накрыло межэтажной балкой.

Толстяк издает тихий жуткий вой и выпадает из видеоконуса. Ещё через миг в конусе появляется нечто вроде обломка водопро-

водной трубы, забрызганной жёлтой краской. Щелчок — и голограмма гаснет.

— «Головастый», что это было? — спрашивает Артём.

Теперь можно спрашивать: маскировка уже не нужна.

— Анализирую, — раздаётся лаконичный ответ.

Юджин больше не улыбается. И Грива тоже. Всё идет слишком уж гладко. Слишком шаблонно.

Проникновение. Подключение «Головастого». Зачистка. Выражаясь официальным языком — «глобальное санирование территории нарушителя». Третий этап Артёма и Юджина не касается. Зачистка — это когда сотни десантников в броне высокого уровня обшаривают каждый закоулок. Грубая, но эффективная сила. Сотни вымуштрованных живых машин, направляемых «Головастым», машиной настолько умной, что её вполне можно считать живой. Топот тяжёлых ботинок, треск вышибаемых дверей: «Всем лежать! Стреляем без предупреждения!» И отрывистые хлопки выстрелов — в тех, кто не понял. Зачистка — это когда угроза уничтожения информации сведена к минимуму, работа группы проникновения закончена, можно отключить рабочий режим камуфляжа, ослабить ремни и ждать команды на эвакуацию.

Но сейчас маленький демон удачи, живущий в селезёнке каждого «алаудиновского» полевика, нашёптывает: «Гладко — это плохо. Гладко — это неправильно. Операция не закончена».

— Операция не закончена, — произносит Грива. — Что-то не так.

— Привести в чувство маленького ублюдка? — интересуется О’Тулл.

— Давай, — соглашается Грива. — «Головастый»! У нас проблемы, не поддающиеся формализации.

«Зафиксировано. Известить специального координатора?»

— Извести. Скажи ему: мы хотим ещё немного пошарить в этой конюшне.

«Головастый» не всегда понимает сленг и идиомы, но сказанное воспроизведёт в точности.

Артём подходит к двери и осторожно её приоткрывает. Залитый матовым светом коридор девственно чист.

Артём так же аккуратно прикрывает дверь и возвращается в облюбованное кресло. По дисплею живым ковром бегут цветные символы. Грива зевает. В комбинезоне тут же что-то чавкает, под лопаткой слабое жжение: инъекция.

О’Тулл тем временем расчетливо пинает пленника под колено. Оператор дёргается, стонет.